

Религиозные искания Исаака Ньютона

И.С. ДМИТРИЕВ

Статья перепечатана из журнала “Вопросы философии” №6 за 1991 г.

Тема, указанная в заголовке, несмотря на ряд специальных публикаций¹, до сих пор остается terra incognita, особенно для широкого круга читателей. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть малоизученные аспекты мировоззрения английского ученого, связанные с его теологическими занятиями.

Credo или “воплощенный Логос”

В 1936 г. наиболее обширное собрание теологических рукописей Ньютона было продано с аукциона и надолго исчезло из поля зрения исследователей. Только в 1970-х гг. так называемое собрание И. Иегуды (Yahuda Y. MS Var. I. The Jewish National and University Library) стало доступным специалистам.

Систематические теологические штудии Ньютон начал в 1670-е гг. На черновике письма к Г. Ольденбургу, секретарю Королевского общества, от 4 декабря 1674 г. он делает первые теологические записи, а в самом письме уведомляет Ольденбурга в том, что намерен прекратить занятия математикой и оптикой с тем, чтобы целиком посвятить себя вопросам религии. О внутренних причинах столь резкого поворота в тематике можно лишь догадываться, но был и внешний повод.

В 1675 г. заканчивался предельный срок пребывания Ньютона в качестве члена Тринити-колледжа Кембриджского университета. По заведенному порядку вступающий в члены колледжа давал клятву, что он принимает истинную религию Христа, т.е. англиканство, объектом своих изысканий делает теологию и после семи лет пребывания в качестве магистра искусств (а Ньютон стал таковым в июле 1668 г.) примет священный сан или покинет стены колледжа святой и неделимой Троицы.

И Ньютон начинает тщательно, систематически изучать труды отцов церкви, прежде всего труды семи канонических учителей IV-V вв.: Афанасия Александрийского (Великого) (ок. 295-373), Василия

---

¹ См., например: Manual F.E. The religion of Isaac Newton. Oxford, 1974; Westfall R.S. Never at rest: A biography of Isaac Newton. Cambridge, 1982; Koyre A. Newtonian studies. L., 1965; Косарева Л.М. Ньютон и современная западная историография науки. - В кн.: Современные историко-научные исследования: Ньютон. М., 1984.

Кесарийского (ок. 330-379), Григория Назианзина (Богослова) (ок. 330-390), Григория Нисского (ок. 335-ок. 394), Амвросия Медиоланского (ок. 340-397), Иеронима Стридонского (ок. 348-ок. 420) и Августина Блаженного (354-430). Кроме того, он знакомится с сочинениями, признанными официальной церковью еретическими, и, в частности, изучает взгляды александрийского священника Ария (ок. 256-336), основателя учения, названного арианством².

Арианство представляло собой самое крупное оппозиционное движение в церкви IV века, т.е. уже после превращения ее в господствующую. Главным очагом арианства был Египет. Согласно Арию, Иисус не был рожден Богом, но создан им, следовательно. Христос не единосущен Богу-Отцу (по греч. гомоусиос, *ifllooijtuoι*), но подобосущен ему (гомойусиос, *Atlloojioιt*, - разница в одну букву). Иными словами, если противники Ария признавали сущностную тождественность Бога-Отца и Бога-Сына, - Сын Бога составляет часть самой божественной сущности, "эссенции" Отца, - то ариане отождествляли сущность Сына и любого тварного бытия как созданий Бога.

Споры в Александрии доходили до уличных побоищ. Чтобы преодолеть раскол, император Константин, тогда еще не христианин, созвал первый Вселенский собор в городке Киксе Вифинской (325 г.), на котором арианство было осуждено, и было постановлено, что "все, кто говорят, будто было время, когда (Христа) не было, или он пришел к бытию из ничего, или он другой субстанции или сущности, или сотворен, или подвержен изменению или умалению, всех их католическая и апостолическая церковь предает анафеме"³.

Записные книжки Ньютона, посвященные теологии и относящиеся, по-видимому, к 1674-1675 гг., содержат в общем-то традиционные разделы: "Attributa Dei", "Deus Pater", "Dens Filius", "Incarnatio" и т.д. Но

---

² Арий, ливиец по происхождению, получил образование в школе Лукиана из Антиохии, который стремился к соединению аристотелизма с христианством. Переселившись в Египет, где он стал епископом в одном из кварталов Александрии, Арий встретился с непривычной и не приемлемой для него трактовкой Библии в аллегорическом духе, с заметным привкусом поли теизма. В 321 г. он был низложен со своего поста, но, после нескольких лет странствий, вновь вернулся в Александрию, где столкнулся с новым противником, диаконом Афанасием. После официального осуждения его учения для Ария вновь начались годы изгнания, где он и умер.

³ Цит. по: Донини А. У истоков христианства. М., 1989, с. 251-252.

уже в их первых разделах начинает звучать арианская тема. Так, в “Deus Pater” читаем:

“Есть один Бог и один посредник между
Богом и человеком - Иисус Христос”.

Это цитата из первого послания апостола Павла к Тимофею (2:5).

А уже позднейшие записи (“De Trinitate”, “De Athanasio”) ясно говорят об арианских симпатиях Ньютона, по мнению которого в IV-V вв. Священное Писание было искажено сторонниками догмата о Троице (тринитариями), отстаивавшими “консубстанциальность” т.е. единую сущность Бога-Отца и Бога-Сына. Ньютон полагал, что оппоненты Ария использовали неправильно истолкованные или неправильно переведенные фрагменты Писания. Ньютон даже написал небольшое эссе: “Историческое объяснение двух значительных искажений Писания” (“An Historical Account of Two Notable Corruptions of Scripture”), где рассмотрел те два фрагмента Нового завета, на которые обычно ссылались критики арианства. Речь идет о седьмом (а отчасти и восьмом) стихе пятой главы Первого послания апостола Иоанна:

- “7. Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино.
8. И три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь: и спи три об одном”

и шестнадцатом стихе третьей главы Первого послания апостола Павла к Тимофею (пресвитеру эфесской церкви):

“И беспрекословно - великая благочестия тайна:
Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе...”

Ньютон ставит под сомнение аутентичность этих текстов. “Не так в сирийской Библии. Нет такого у Игнатия, Юстина, Иренея, Тертуллиана, Оригена... и др.” - замечает он по поводу первого фрагмента, считая его позднейшей вставкой, сделанной в тексте Вульгаты св. Иеронимом (ок. 347-ок. 420 г.). Некоторые современные библеисты отчасти соглашаются с доводами Ньютона, приписывая, однако, возможное авторство этого фрагмента Присциллиану, епископу г. Ламы (Испания), жившему в IV в.

Что касается второго фрагмента, из послания апостола Павла, то, по Ньютону, слово “Бог” отсутствует в ранних версиях, где было сказано: “...великая благочестия тайна, явившаяся во плоти, оправдавшая себя в

Духе...” И кроме того, он отмечает, что все приведенные отрывки не цитировались самим Афанасием и его сторонниками в их выступлениях против ариан на Никейском соборе, а стали использоваться в теологических спорах много позже. (Уместно отметить, что акты собора не сохранились, известны только тексты “Credo” (символа веры) и двадцати канонов, т.е. дисциплинарных и богослужебных правил, положивших начало церковному праву.)

Для Ньютона утверждение о божественной природе Христа есть проявление идолопоклонства (“Idolatria”), т.е. смертный грех, поскольку Христос - не единство божественного и человеческого, но сотворенный Логос, воплощенный в человеческом теле. При этом Ньютон ссылается на сочинения раннехристианских авторов, в частности, на Юстина (ок. 100-163) и Климента Александрийского (ок. 150-ок. 215), по мнению которых человеческий разум содержит частицу божественного Логоса, явленного в Иисусе. Но тогда рациональная субстанция потенциально должна существовать и в Боге-Отце, либо как его “внутреннее слово”, либо как его эманация. Логос, по Юстину, - это посредник между миром и абсолютно трансцендентным Богом, посредник, рожденный Богом до творения мира. В этом учении отчетливо звучат темы и идеи стоической философии (например, теории “внутреннего” и “произнесенного” слова, учения о *nationes carnes*, т.е. заложенных в самой человеческой природе общих понятиях о нравственности и т.д.). Все это стало со временем идейным истоком арианства.

Каковы же причины, заставившие Ньютона принять арианство, или унитаризм (от лат. *unitas* - единство), как называли это движение против догмата Троицы в эпоху Реформации?

Было бы неправильно представлять дело так, что Ньютон впал в арианскую ересь, только изучая историю христианства. Сколь ни поразительны по своей глубине и обширности его теологические изыскания, в целом они довольно объективны. Видимо, у него были весьма априорные причины принять унитаризм арианского толка.

Действительно, как справедливо заметила Л.М. Косарева, “протестантизм, начав деиерархизацию сакрального пространства, разделяющего человека и Бога, отменив посредников между ними, оставил догмат троичности божества неприкосновенным. Но “джинн” унификации, уравнивания был выпущен на свободу; и то, что не совершили официальные реформированные церкви, сделали многочисленные секты и ереси. Они доводили до логического конца процесс, начатый Реформацией, развивая и распространяя представление о едином, мони-

стическом начале, лежащем в основании природы и человека”⁴. Иными словами, распространение унитаризма в XVII-XVIII вв. является проявлением острого чувства единства мира, которое было в высшей степени присуще и Ньютону.

В упомянутом выше иерусалимском собрании имеется составленный им (по-видимому, в период с 1672 по 1675 гг.) свод двенадцати основных положений его арианской христологии. Приведем центральную мысль: “После того, как некоторые еретики принимали Христа за простого человека, а другие - за высшее божество, святой Иоанн в своем Евангелии сказал о его природе так, чтобы люди смогли бы отсюда почерпнуть правильное представление о нем и избежать обеих этих ересей, и с этой целью Иоанн называет его словом или логосом (logos). Мы должны принять, что он предполагал этот термин [употреблять] в том же смысле, в каком он употреблялся до него, когда подобным образом применялся [он] к разумному существу. Ибо если Апостолы не пользовались бы, словами так, как слова использовались до них (as they found them), то как же они могли ожидать, что их правильно поймут. Тогда, до св. Иоанна, термин logos обычно использовался в том смысле, как его употребляли платоники в применении к некоему разумному существу, и в том же смысле понимали его ариане, и потому их смысл (понимание) есть истинный смысл св. Иоанна”⁵.

Заметим, что следы арианства Ньютона можно найти во многих его работах, а не только в неопубликованных рукописях. Так, в “Общей схолии” (в “Математических началах натуральной философии”) Бог характеризуется им как Пантократор (Вседержитель), единолично осуществляющий абсолютную власть над творением.

У Ньютона были все основания тщательнейшим образом скрывать свои религиозные взгляды. В период Реставрации веротерпимость была не в почете, ибо по мнению власть предержащих она подрывала единство нации. В Кембридже могли закрывать глаза на многое - на пьянство, безделье и распутство членов колледжей, но только не на отступления в основах веры. Ньютон хорошо знал, как в 1669 г. из университета был изгнан Дэниел Скаржил “за утверждение нечестивых и атеистических догм”, а другой воспитанник, Сэмюэл Роллс, получил в 1675 г. степень доктора только после того, как публично отрекся от своих сектантских взглядов. Причем арианство вообще рассматривалось как моральная проказа, хуже которой был только атеизм.

---

⁴ Косарева Л.М. Ньютон и современная западная историография науки, с. 76.

⁵ Цит. по: Westfall R.S. Never at rest, p. 3 1 6.

Вместе с тем Ньютон полагал, что он не может принять сан, оставаясь еретиком. Он морально готовился к тому, что ему придется покинуть Кембридж. В январе 1675 г. он обращается к Г. Ольденбургу с просьбой, чтобы Королевское общество исключило его из числа пайщиков. Но к марту ситуация изменилась. Ньютон получает специальное разрешение короля, позволившее ему стать членом Тринити-колледжа, не принимая духовного сана. По мнению биографов, здесь сыграли свою роль поддержка и заступничество со стороны учителя Ньютона Исаака Барроу.

Тема пророчества

Она играла в теологических работах английского ученого исключительную роль. Особое внимание он уделил Откровению Иоанна Богослова и Книге Пророка Даниила. Именно в этих двух священных текстах из Нового и Ветхого заветов, по мнению Ньютона, явлен план божественного творения, без знания которого всякие занятия наукой становятся бессмысленными.

Спустя несколько лет после смерти ученого, в 1733 г., был опубликован его трактат “Observations upon the Prophecies of Daniel and the Apocalypsis of St. John”⁶. По мнению Р. Уэстфолла, это позднее сочинение, но работа над ним началась, возможно, в 1670-е годы⁷.

В этом трактате, а также в ряде неопубликованных рукописей, относящихся, по-видимому, к 1670-м гг. (собрание Иегуды), Ньютон ставит себе целью раскрытие тайного смысла указанных священных книг. При этом он исходил из того, что цель библейских пророчеств состоит не в том, чтобы с их помощью предсказывать текущие события, но чтобы научить людей “распознавать знаки времен”, показать, что миром правит Провидение. Непонимание тайного смысла библейских пророчеств (как Ветхого, так и Нового заветов) чревато жестокими потрясениями. И подобно тому, как народ Израиля, не поняв смысла сказанного пророками, отверг пришедшего к ним Мессию, так и позднее люди не увидели в торжестве католической церкви торжества Антихриста.

---

⁶ См.: Ньютон И. Замечания на книгу Пророка Даниила и Апокалипсис св. Иоанна. СПб., 1916.

⁷ См.: Westfall R.S. *Never at rest*, p. 319; ср. также Gjertsen .D. *The Newton Handbook*. L.-N.Y., 1986. p. 396-399.

В традиционной протестантской интерпретации книг, особенно “Откровения”, их тайный смысл символизирует историю Церкви. К примеру, снятие седьмой печати (Откр., 8:1) отождествлялось протестантскими авторами с триумфом римско-католической церкви в 381 г. на Константинопольском соборе. С этого времени начинается эпоха Великого Отступничества (Great Apostasy), царство Антихриста, которое просуществовало “время времен и еще половину времени”, т.е., в протестантской символике, “год, два года и еще полгода” или, принимая древнеегипетский солнечный календарь где 1 год состоял из 360 дней, - 1260 дней. А поскольку один день библейского времени соотносился с одним земным годом, то отсюда следовало, что конец эпохи Великого Отступничества должен наступить спустя 1260 лет после Константинопольского собора, т.е. в середине XVII-го века. В итоге религиозная полемика оказывалась тесно связанной с текущей политической борьбой.

Однако Ньютон, которому также было свойственно преимущественно историческое понимание Библии, отнюдь не был склонен считать англиканскую церковь восприемницей христианства апостольских времен и с Великим Отступничеством он связывал не католицизм вообще, но именно тринитаризм. В его трактовке снятие первых шести печатей (Откр., 6) следует понимать как описание становления церкви до императора Феодосия, снятие же седьмой печати Ньютон относил к 380 г.⁸

Получасовое безмолвие, воцарившееся перед первым трубным гласом, Ньютон связывал с войной между императором Феодосием и британским правителем Магнусом Климентом Максимом (388 г.). Детально разбирая ход этой войны, ученый изучил множество древних свидетельств, в частности, письма св. Иеронима, “Хронику” Сульпиция Севера (ок. 365-ок. 425), современника бурных событий религиозной жизни Аквитании и Галлии во второй половине IV в., комментарии Готфреда на “Кодекс Феодосия”, составленный в V в. при восточноримском императоре Феодосии II, племяннике Феодосия Великого.

---

⁸ После смерти императора Валентина в 378 г. Грациан, соправитель и племянник Валентина, назначил правителем Восточной Римской империи опытного полководца Феодосия (ок. 346-395), прозванного впоследствии Великим. В 394 г. Феодосию удалось объединить власть над западной и восточной частями империи (после его смерти раскол империи стал окончательным). При нем, эдиктом 380 года “О католической вере”, было утверждено: господство официального христианства и объявлялись гонения на ариан.

Согласно тексту Откровения, после снятия седьмой печати появились семь ангелов, коим дано было семь труб (Откр., 8:1-2). Первые шесть трубных гласов и связанные с ними бедствия Ньютон рассматривал как наказания, ниспосланные в ярости Богом на людей, поклонявшихся ложным авторитетам, причем даже “не умершим царям и героям в их прекрасных гробницах, но подлым и презренным плебеям в их мерзких могилах”. Видимо, Ньютон здесь имеет в виду могилы религиозных аскетов и первых монахов.

Но более всего достается Афанасию и его последователям, которые выдавали себя за истинных христиан, но в действительности были “самыми жалкими и гнусными людьми”.

Надо сказать, что в борьбе с Арием Афанасию пришлось пострадать не менее своего соперника, ибо, несмотря на Никейские решения, ситуация в римских провинциях (особенно в восточных) складывалась в пользу ариан. Не последнюю роль в этом сыграла политика императорской власти, которой арианские взгляды более импонировали, ибо их легче было увязать с мыслью о том, что естественным земным представителем единственного Бога должен быть единственный самодержец. Идея троичности божества (Отец-Сын-Дух Святой), отстаиваемая Афанасием, с этих позиций была менее приемлема, особенно при императоре Констанции II, плохо воспринимавшем идею тройственной власти над различными частями империи и ставшем в 353 г., после уничтожения двух своих братьев, единым правителем. В этой ситуации Афанасию пришлось несладко - пять раз он был низложен, провел несколько лет в изгнании и умер в 373 г. в Александрии, когда арианство уже мало-помалу стало клониться к закату. Афанасий был автором весьма популярного в то время “Жития Антония”, считающегося основателем монашеского движения⁹. Это сочинение во многом способствовало распространению идеалов монашеской жизни.

Об Афанасии Ньютон писал как о заклятом личном враге. В рукописи “Парадоксальные вопросы, касающиеся морали и действия Афанасия и его последователей” он обвиняет александрийского епископа, “этого хитрого политика”, во всех смертных грехах, в том числе в прелюбодеянии, в насаждении “культа трех равных Богов”, в распространении среди христиан “диких суеверий”, “чудовищных легенд, ложных чудес, поклонения мощам” и т.д.

Резко отрицательно относился Ньютон и к монашескому движению, начало которого восходит к рубежу III-го и IV-го столетий. С издевкой

---

⁹ Подробнее см.: Донини А. У истоков христианства, с. 226-234.

он пишет о всевозможных воздержаниях, требуемых от аскетов, ибо путь к целомудрию, по словам Ньютона, состоит “не в том, чтобы бороться или не соглашаться с нечистыми мыслями, а в том, чтобы уклоняться от них и занимать ум другими предметами, ибо размышление о Целомудрии приводит к размышлению о женщинах, а всякая борьба с нечистыми мыслями так сильно воздействует на ум, что возникает желание, чтобы эти мысли чаще возвращались”.

Теологические сочинения Ньютона 1670-х гг., в отличие от более поздних, написаны очень эмоционально. Автор мыслит себя то самим Арием, то Новоявленным Пророком (чувство избранности было свойственно Ньютону), то сыном женщины, преследуемой драконом.

В описании тринитариев явственно проглядывают черты ньютонова окружения в Кембридже времен Реставрации. Это был период глубокого упадка одной из старейших британских “цитаделей веры и учености”. Но словам Уэстфолла, “философ, ищущий истину, находит себя среди карьеристов, озабоченных поиском тепленького местечка”¹⁰.

Ньютон полагал, что до конца Великого Отступничества еще очень и очень далеко, и потому он сместил начало этой эпохи, соотнеся его не с Константинопольским собором (сколь бы трагическим ни было это событие в его глазах), а с началом VII-го века - временем четвертого трубного гласа в Откровении, когда “поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд” (Откр., 8:12) и временем окончательного торжества “ложной inferнальной религии” - тринитаризма, захватившей треть мира. При такой датировке событий падение Антихриста следовало ожидать лишь в середине XIX-го столетия.

Для Ньютона с седьмым трубным гласом заканчивается мрачная эпоха Великого Отступничества, когда “совершится тайна Божия” (Откр., 10:7). И последующее затем второе пришествие Христа в мироощущении ученого - это не вселенский катаклизм, распад и гибель физического мира, но апофеоз “истинной христианской религии, очищенной от язв тринитаризма”. Тем самым, в ньютоновом толковании Апокалипсиса из него исчезает собственно апокалиптическое начало¹¹.

Рассматривая работу Ньютона над библейскими текстами, следует сказать и о методической стороне дела. Приведем в качестве примера толкование им одного из христианских символов: “Некоторые предполагают, что Весы в третьей печати (Откр., 6) должны быть эмблемой голода. Но это - безосновательно, ибо нет подтверждения такой интер-

---

¹⁰ Westfal R.S. Never at rest, p. 190-191.

¹¹ См. Ibid., p. 329-330.

претации ни в Писании, ни в знакомых мне античных рукописях. Есть иные способы выражения голода, например, бешеные собаки (Иер 15:3), а там, где Весы упоминаются в Писании, это относится либо к суду, как в Иов. 31:6., либо к Судье как у Осии 12:7... Эта доктрина употреблялась также и индийскими толкователями”.

При чтении этого и других фрагментов обращает на себя внимание эрудиция Ньютона. Он не только сопоставляет различные места из Священного Писания (Дж. Локк отмечал, что ему известно очень немного людей, которые знали бы Библию так, как знал Ньютон), но и широко использует внебиблейские источники. Так например, из книги Д. Меде (J. Mede) “Отступничество недавних времен” (1644) он узнал о некоем Ахмете, собравшем толкования снов в Египте, Персии и Индии. Кроме того, Ньютон проштудировал книгу Артемидора о толковании снов. Его круг чтения включал также труды современных историков - Цезаре Баронио, Филиппа Ключера и др. Но его не устраивают ни чужие интерпретации, ни составленная кем-то хронология событий первых веков новой эры. Ньютон предпочитал обращаться к первоисточникам. Исходя из того, что “части Пророчества подобны разрозненным частям часов”, он тщательнейшим образом сопоставляет около 20 различных версий Откровения, в том числе и две рукописные, фрагменты из трудов христианских писателей эпохи ранней патристики: Киприана (ум. 258), Иренея Лионского (135-202) и Тертуллиана (ок. 160 - после 220). Итогом этой текстологической работы стала “Variantes Lectiones Apocalypiticae”, где детально сопоставлены версии Откровения. Ньютон внимательно изучил историю завоевания Европы варварами, пользуясь трудами древних историков и хронографов (языческих и христианских), среди которых произведения Павла Оросия, Марцеллина, Зосимы, Григория Турского, Кассиодора и др.

Наконец, Ньютоном были разработаны пятнадцать правил интерпретации пророчеств, которые в его теологических работах играли примерно ту же регулятивную роль, что и *Regulae philosophandi* в “Математических началах натуральной философии”:

- приписывать каждому отрывку только одно значение;
- сохранять в процессе интерпретации некий фиксированный смысл слов во всех фрагментах;
- предпочитать те значения слов, которые ближе всего к буквальному смыслу, за исключением тех случаев, где явно требуется аллегорическое истолкование;

- принимать те смыслы слов и фраз, которые наиболее естественным образом вытекают из языка и контекста;
- предпочитать наиболее простые интерпретации (“истина всегда должна - заключаться в простоте”) и т.д.

Ньютоновы толкования библейских пророчеств воплощают в себе грандиозную программу исследований, хотя стремление к однозначным рациональным интерпретациям безусловно обедняло смысловое поле слов и символов, низводя их принципиальную многозначность до сухой конкретности жестко фиксируемого смысла. Были в исторических и теологических трудах английского ученого и другие изъяны, которые, например, отметил Р. Уэстфолл: “Я полагаю, никто не может назвать Ньютона великим историком. Он подходил к истории с априорной схемой интерпретации, конструируя неудобоваримые ряды цитат вместо легко читаемого повествования. Его цель - строгость, а не *belles lettres*, однако, я думаю, никто не сможет упрекнуть его в этом. Он внес в историческое исследование стандарты научного доказательства... Для Ньютона соответствие пророчеств фактам доказывало всемогущество Бога, власть которого распространялась на человеческую историю в той же мере, в какой она охватывала и мир Природы. Для него могущество Бога было первичным и куда более важным аспектом, нежели страдание и любовь. Поэтому пророчество он рассматривал как сердцевину откровения”¹².

Огонь Весты

В середине 1680-х гг. в теологических рукописях Ньютона появляется новая тема - поиски древнейшей истинной религии. Два рукописных текста этого периода представляют особую значимость: “*Irenicum: or ecclesiastical polity tending towards peace*” (King’s Colledge Cambridge, Keynes MS 3); “*Theologias gentilis origines philosophicae*” (MS 162).

Суть позиции Ньютона сводится к следующему. Древние поклонялись двенадцати “главным” богам, которые соотносились ими с семью планетами, четырьмя элементами и квинтэссенцией. Эти двенадцать богов в свою очередь представляли собой обожествленных предков (“*divinised ancestors*”) людей, а именно - Ноя, его сыновей (Хама, Сима и Иафета) и внуков, от которых и возникло все человечество (Быт., 9-

---

¹² Ibid., p. 329.

10). Именно Ной и его сыновья поклонялись истинному Богу, творцу универсума. Эта истинная религия Ноя, заключившего “завет” с Богом (Быт., 9:9-17), передаваясь от одного народа к другому, неизбежно искажалась, ибо каждый народ связывал образ божества со своими царями и героями. Но при всем разнообразии древних религий, в них, по Ньютону, были общие черты, важнейшая из которых - поклонение одному верховному Богу, прародителю и творцу всего остального мира, который представлялся в образе сурового старца и с которым связывались идеи времени и изначальной стихии (часто - водной). Ньютон полагал, что Сатурн и Юпитер - это языческие имена Ноя, а другие греко-римские боги несут в себе те или иные черты Ноевых потомков.

Кроме того, древние люди склонны были отождествлять своих предков с различными телами и явлениями природы, например, с планетами, полагая, что к этим телам устремлялись души умерших. Поэтому языческая теология, по мысли Ньютона, оказалась тесно связанной с языческой натурфилософией, теология “была философской и зависела от астрономии и от физической науки о системе мира...”.

Но языческие религии не были самыми древними, они, как было сказано, появились в результате “искажения первоначального естественного и чистого поклонения единому Богу”, искажения, которое возникло в процессе распространения истинной веры сначала среди евреев через Авраама, Исаака, Иакова, Моисея, а затем и среди других народов, через Пифагора, Конфуция, Сократа и Цицерона. “Невозможно поверить, - писал Ньютон, - что религия началась с доктрины переселения (transmigration) душ и культа звезд и элементов; ибо есть иная, более древняя религия”, которую он связывал с культом богини Весты. Этот культ действительно восходит к древнейшим индо-европейским традициям. В центре храма Весты постоянно горел огонь, в чем Ньютон усматривал символ гелиоцентрического универсума. (Следует заметить, что римляне отождествляли Весту с неподвижно висющим в космосе и заключающим в себе огонь земным шаром, с огнем как чистейшим элементом¹³.) И когда Моисей установил в скинии огонь, он этим возродил изначальный культ, “очищенный от внесенных египтянами предрассудков”.

“Рациональное основание этого учреждения, - отмечал Ньютон, имея в виду истинную религию, принятую Ноем, - состоит в том, что Богу Природы поклонялись в храме, имитирующем Природу, в храме, который был, так сказать, отражением Бога”. Святилище с огнем в цен-

---

¹³ См.: Мифы народов мира. Т. 1, М., 1980, с. 234.

тре - это эмблема системы мира, и потому “первая религия была самой рациональной из всех до того, как народы исказили ее. Ибо нет иного способа (не считая откровения) познания Божества, кроме как путем (познания) природы (Frame of Nature)”. И потому всякое искажение веры неизменно сопряжено, по Ньютону, с неправильным пониманием природы; в качестве примера он приводит создание геоцентрической системы мира.

Тема Природы как храма Бога нашла свое развитие в трех рукописных трактатах, относящихся, по-видимому, к 1680-м гг. (а возможно, и к более позднему периоду), в которых Ньютон обращается к плану и пропорциям храма Соломона. Согласно Ветхому Завету, царь Соломон на четвертый год своего царствования начал “строить храм Господу” (3 Цар., 6:1) в Иерусалиме. В святая святых (давире) храма стоял “ковчег завета Господня” (3 Цар., 6:19). Храм служил жилищем Яхве и местом жертвоприношения. Ньютон много сил и времени потратил на изучение этого храма и иудейского богослужения, он читает Филона Александрийского, Маймонида, талмудистов, есть данные, что он даже начал изучать древнееврейский язык.

Естественно, при воссоздании пропорций храма возник вопрос о длине “священного локтя евреев”. Этой теме посвящена одна из трех упомянутых выше рукописей. Однако ни тщательный анализ Третьей книги Царства и Книги Пророка Иезекииля (Иез. 40-42; 43:1-7 и 46:19-24), ни сопоставления соответствующих фрагментов древнееврейских текстов с Септуагинтой и Вульгатой, ни соотнесение пропорций других памятников прошлого, в частности египетской пирамиды, не дали определенного результата.

По словам Ньютона, символика древнееврейского культа и Откровение “подобны двум пророчествам об одних и тех же вещах, они взаимно объясняют друг друга”. Бог избрал еврейский народ и послал ему Моисея и других пророков, чтобы в течение веков возродить и сохранять изначальную веру в единого Бога и любовь к ближнему, эти два основных принципа истинной религии. Но затем, разочаровавшись в “народе Израиля”, видя его склонность к идолопоклонству, он послал ко всем народам Христа, миссия которого, по глубокому убеждению Ньютона, состояла в возвращении людей к истинной вере.

Подытоживая сказанное, хотелось бы высказать несколько мыслей о характере ньютоновского мировоззрения. Для историков науки теологические размышления, как и алхимические штудии Ньютона, всегда представляли серьезную проблему. И дело тут не только в чисто техни-

ческих трудностях изучения соответствующих текстов. Вопрос глубже, речь идет о трюичности ньютонова мировоззрения, о том, как соотнести три ипостаси: Ньютона-теолога, Ньютона-алхимика и Ньютона-естествоиспытателя. Часто исследователи ссылаются на сложный характер времени, на противоречия духовной жизни Англии и вообще Европы XVII-го века (что, разумеется, справедливо), некоторые говорят о “разорванном” сознании Ньютона и т.д. На наш взгляд, все три направления его деятельности - теология, алхимия и наука - отражают три стороны единого цельного мировоззрения. Неизвестно, чье сознание в большей мере “разорвано” - Ньютона, его эпигонов или некоторых позднейших биографов. Разумеется, если видеть в английском ученом только творца механистической картины мира, то все остальные грани его творчества останутся неразрешимой загадкой. Но в том-то и дело, что будучи рационалистом, Ньютон, тем не менее, глубоко понимал ограниченность чисто механического взгляда на Природу, и потому столь привлекательной показалась ему алхимическая идея активных начал. Но этого мало.

Выше мы уже отмечали глубокую связь в творчестве Ньютона двух направлений его духовных исканий - поиска истинной религии и поиска истинной картины мира. Но был и третий компонент Ньютонова мировоззрения, связанный с нравственным познанием, с поиском им истинных принципов морали. Вынужденный тщательно скрывать свои религиозные воззрения, ученый лишь изредка давал возможность современникам догадываться о своих самых сокровенных мыслях. Одним из таких немногочисленных свидетельств служит следующий фрагмент из заключительного раздела третьего английского издания “Оптики” (1721): “я дал намек на некоторые предметы и оставляю эти намеки для исследования и усовершенствования дальнейшими опытами и наблюдениями тем, которые имеют охоту к исследованию. Если натуральная философия, следуя этому методу, станет, наконец, совершенной во всех своих частях, расширятся также границы нравственной философии. Ибо, насколько мы можем познать при помощи натуральной философии, что такое первая причина, какую силу она имеет над нами и какие благодеяния мы от нее получаем, настолько же станет ясным в свете природы наш долг по отношению к первой причине, а также друг к другу. И нет сомнения, что, если бы поклонение ложным богам не затемнило язычников, их нравственная философия пошла бы далее... и вместо учения о переселении душ, почитания Солнца и Луны и умерших героев они научили бы нас поклонению нашему истинному творцу

и благодетелю, как это делали их предки в правление Ноя и его сыновей, до того как они развратились”¹⁴.

Во втором издании “Оптики” этот отрывок заканчивался следующими словами: “Ибо нравственный закон от начала человека во вселенной заключался в семи заповедях, данных сыновьям Ноя. Из этих заповедей первая была - признать единого господа Бога, поклонение которому нельзя переносить на других. И без этого начала не может быть добродетели и чистого имени”¹⁵.

Свойственное Ньютону острое, религиозно окрашенное чувство единства мироздания обусловило, в свою очередь, и целостность его мировоззрения, всех его граней: веры в единого Бога, чувства нравственного долга человека перед Богом и людьми и поиска “совершенной во всех своих частях” натуральной философии. В контексте этого мировоззрения Священное Писание представлялось Ньютону не книгой откровений, недоступных человеческому разумению следованию и призванным продемонстрировать его безграничную мудрость - Отсюда - два пути познания Бога; через изучение Природы и через изучение Истории.

---

¹⁴ Ньютон И. Оптика, или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света. М.-Л., 1927. с. 315.

¹⁵ Там же, с. 371.